

Чжао Фу поднял взгляд на Су Вэньюня. Его лицо оставалось бесстрастным, словно у небожителя, отрешившегося от земных страстей. Он заговорил, и голос его эхом разнесся под сводами Террасы Восхождения к Бессмертным:

— Когда пришла Фэйжань?

— Простояла всего лишь четверть часа, — ответил Су Вэньюнь.

Чжао Фу, по-прежнему сидевший со скрещенными ногами в позе для медитации, спросил:

— Ну как?

Су Вэньюнь доложил:

— В деле о растрате средств во время снежного бедствия на юге три года назад удалось докопаться лишь до Сэ Чэна. Что же до тех, кто стоит выше него... Либо там никого нет, либо они слишком хорошо спрятались, так что и зацепиться не за что. Ваш слуга бессилен, прошу Его Величество простить мою оплошность.

Чжао Фу слегка кивнул, словно о чем-то раздумывая.

— То снежное бедствие охватило многие земли, двор выделил два миллиона лянов серебра на помощь пострадавшим. Одного лишь Сэ Чэна тут явно маловато, — со вздохом заметил Чжао Фу. Однако продолжать эту тему он не стал, а лишь многозначительно добавил: — Помнится, в тот год управа Гусу избежала невзгод. Поистине благословенный край, возвращающий таланты. Наш подданный Тан как раз оттуда родом.

Су Вэньюнь, разумеется, понял намек императора. По всем правилам ему следовало бы сейчас очернить Тан Шэня перед государем, однако он лишь усмехнулся и произнес:

— Хотя господин Тан когда-то учился у правителя управы Гусу Лян Суна, Великого ученого Ляна, но, Ваше Величество, не прошло и месяца после того, как Великий ученый Лян повесился, как он отправился на север в поисках нового прославленного наставника, полностью оборвав все связи с прежним учителем. В решительности действий вашему слуге с ним не сравниться.

На первый взгляд эти слова казались признанием собственной неполноценности перед Тан Шэнем, но на деле выставляли его беспринципным флюгером, который сменил покровителя сразу после смерти старого учителя. Если бы дух Лян Суна под землей узнал об этом, он бы от гнева восстал из мертвых.

Чжао Фу поднял глаза на Су Вэньюня.

Су Вэньюнь слегка скривил губы, даже не пытаясь скрыть презрения к Тан Шэню.

— Умный человек умеет приспосабливаться к обстоятельствам, — промолвил Чжао Фу. — В этом деле Цзинцзэ действительно поступил некрасиво, однако он еще слишком молод.

Су Вэньюнь посерьезнел и ничего не ответил.

Чжао Фу взмахнул рукой:

— Ступай.

— Слушаюсь.

Выйдя из ворот после того, как покинул Террасу Восхождения к Бессмертным, Су Вэньюнь посмотрел на ожидавшего снаружи Тан Шэня и ослепительно, с вызовом улыбнулся:

— Господин Тан, вы теперь у меня в огромном долгу. После сегодняшнего то, как я использовал вас в качестве мишени в Цычжоу, считается полностью искупленным.

Тан Шэнь нахмурился.

Не добавив больше ни слова, Су Вэньюнь гордо удалился.

На Террасе Восхождения к Бессмертным Чжао Фу перекатывал в ладони две прозрачные жемчужины ночного сияния. Задумчиво глядя на пол, он произнес:

— Насколько Мы помним, Тан Шэню в этом году семнадцать?

На Террасе Восхождения к Бессмертным находились только Чжао Фу и Цзи Фу. После этих внезапных слов евнух выждал мгновение и, поняв, что император ждет ответа, проговорил:

— В ответ Его Величеству: господин Тан удостоился звания таньхуа в возрасте шестнадцати лет, это случилось в начале прошлого года. Ваш покорный слуга помнит, что вы лично соизволили выбрать его в таньхуа.

— Ах да, действительно, Мы и позабыли совсем, — отозвался Чжао Фу. — Нам весьма нравятся его сочинения. До сих пор помним то поздравительное письмо к Нашему дню рождения, что он поднес в прошлом году. Слог там был поистине изящным и пышным, словно россыпь цветов.

Цзи Фу с улыбкой заметил:

— Господин Тан столь одарен и так преуспел в юные годы, что ваш покорный слуга прямо-таки сгорает от зависти.

— Ха-ха, старый ты прохвост!

В зале ненадолго воцарилась тишина, после чего Чжао Фу неторопливо произнес:

— В умении льстить и угождать государю он превзошел даже Цзыфэна.

Цзи Фу оторопел и не посмел вставить ни слова.

Император глубоко вздохнул:

— Но Нам это как раз и нравится в нем.

Корыстный и лживый придворный для мудрого правителя — подлец и смутьян, однако Чжао Фу испытывал к нему симпатию. Чжао Фу это безумно нравилось.

— Су Фэйжань его ненавидит, а Ван Цзыфэн любит, — с чувством проговорил Чжао Фу. — И надо же было небу явить миру столь примечательного Тан Цзинцзэ, который оказался точнехонько меж этих двоих! От этого он Нам мил еще больше.

Каким бы сметливым ни был Цзи Фу, он оставался лишь евнухом. Не в силах постичь истинный смысл слов Чжао Фу, он мог лишь угодливо улыбаться в ответ.

И в самом деле, откуда простому евнуху знать тонкости императорского искусства управления?

В совете старейшие и наиболее уважаемые министры давно разделились на влиятельные группировки. Даже у Чжао Фу их устранение вызывало сильную головную боль, грозя пошатнуть устои государства. Молодое же поколение возглавляли Ван Чжэнь и Су Вэньюнь. В последние годы под негласным покровительством Чжао Фу они постепенно набрали силу, достаточную для того, чтобы соперничать со старой гвардией.

К тому же Ван Чжэнь и Су Вэньюнь терпеть не могли друг друга.

Если бы сейчас во Дворце Цычэнь разложили шахматную доску, взорам предстала бы картина: чиновники — фигуры, Сын Неба — игрок, передвигающий их по разные стороны разделяющей реки. Границы четко очерчены, но в то же время переплетены. Никакие бури при дворе не могли укрыться от взора Чжао Фу, чьи глаза давно подернулись старческой муťou. Даже через сто лет он останется самым просвещенным правителем Великой Сун, о чьей мудрости потомки будут слагать легенды.

Он обретет бессмертие в веках и пребудет самым просвещенным из государей.

Чжао Фу загадочно улыбнулся и, прикрыв глаза, вернулся к своему пути к обретению бессмертия.

В тот же вечер чиновники из Приказа ритуалов доставили новое форменное платье в Поместье Таньхуа. Когда Тан Шэнь примерил его, Тан Хуан от радости сделала несколько кругов вокруг брата. Но постепенно ее пыл угас, и она, надув губы, проворчала:

— Вроде бы одежда важного чиновника четвертого ранга, а на вид, братец, почти ничем не отличается от твоей прежней.

Тан Шэнь покосился на сестру:

— В 3-й год эры Кайпин, когда между Сун и Ляо шла непрекращающаяся война, тогдашний Министр финансов, а ныне Правый канцлер Ван Цюань подал доклад с просьбой упростить одеяния чиновников ради сокращения расходов казны. Видишь вот этот обшлаг?

Тан Хуан придвинулась ближе и принялась пристально разглядывать рукав:

— И что с ним?

— Вышивка серебряной нитью! Такую разрешено носить только чиновникам не ниже четвертого ранга!

Тан Хуан лишилась дара речи.

Да кто вообще на это обратит внимание!

Повышение Тан Шэня праздновали всей семьей. Но главным новшеством стало то, что отныне он мог просыпаться на полчаса позже.

Придворные историографы поднимались раньше всех прочих сановников: им надлежало явиться во дворец до прибытия остальных. С тех пор как Тан Шэня назначили на эту должность, он целый год не высыпался как следует. Даже если в тот день дежурил не он, все

равно приходилось вставать ни свет ни заря и спешить ко двору на случай непредвиденных распоряжений.

К тому же Тан Шэнь только вступал в должность. И хотя ему как секретарю Центрального секретариата четвертого ранга полагалось присутствовать на утренних аудиенциях, в самый первый день он был освобожден от этой обязанности. Ему позволялось явиться во Дворец Циньчжэн для начала службы уже после завершения собрания.

Впервые за все время своей службы Тан Шэнь выпался на славу.

Утром он облачился в чиновничье платье и направился во Дворец Циньчжэн.

Тан Шэню уже не раз доводилось бывать здесь. Дворец Циньчжэн являлся единственным присутственным местом, расположенным непосредственно в дворцовом комплексе: во времена Великой Сун здесь выделили отдельную территорию для работы чиновников Центрального секретариата. Из-за этого Дворец Циньчжэн именовали также Ямынем Центрального секретариата. Впрочем, далеко не все служащие этого ведомства трудились именно здесь.

В бытность свою придворным историографом Тан Шэнь номинально тоже относился к Центральному секретариату, однако его ведомство размещалось за пределами дворцовых стен, а не во Дворце Циньчжэн.

Если говорить упрощенно, во Дворце Циньчжэн было три рабочих зоны. Первую занимали кабинеты четырех канцлеров: Левого канцлера Цзи Вэнцзи, Правого канцлера Ван Цюаня, а также левого и правого помощников канцлера — Чэнь Линхая и Сюй Би. Вторую зону занимали служебные покои руководителей шести министерств: всего три просторных зала, по одному на каждые два министерства. Впрочем, министры наведывались сюда не каждый день, предпочитая решать дела в своих ведомствах за пределами дворца.

Позади этих кабинетов располагались помещения для остальных служащих Центрального секретариата.

Чиновники третьего ранга делили между собой два кабинета, а те, кто имел четвертый ранг вроде Тан Шэня, размещались в одном общем зале.

Таким образом, трудиться во Дворце Циньчжэн позволялось лишь служащим Центрального секретариата не ниже четвертого ранга.

Тан Шэнь пришел заранее, решив не заставлять будущих сослуживцев ждать себя, и устроился в зале еще до окончания утренней аудиенции. Когда собрание завершилось, чиновники начали возвращаться во Дворец Циньчжэн. Три секретаря Центрального секретариата, равные Тан Шэню по рангу, при виде его на мгновение опешили, но тут же вежливо поклонились, сложив руки перед грудью:

— Поздравляем господина Тана! Отныне мы трудимся бок о бок.

Тан Шэнь с улыбкой ответил:

— Премного благодарен господину Цзи, Лю Душаню и Господину Линю.

Секретарь Центрального секретариата Цзи Мяо с улыбкой произнес:

— В прошлый раз я видел господина Тана три месяца назад, когда заходил по делам к Ван

Цюаню. Тогда мы пересеклись лишь мельком, и кто бы мог подумать, что сегодня станем коллегами!

Другой секретарь Центрального секретариата добавил:

— Господину Тану ведь всего семнадцать лет в этом году? Поистине, юный и многообещающий муж.

Обменявшись вежливыми любезностями, Цзи Мяо пояснил:

— Здесь, во Дворце Циньчжэн, я исполняю поручения Цзи Вэнцзи, Лю Душань помогает Ван Цюаню, а Господин Линь трудится под началом Канцлера Чэня. Стало быть, господин Тан, вам суждено поступить в распоряжение Сюй Линхоу. Утренняя аудиенция только что завершилась, и у Сюй Линхоу сейчас забот невпроворот. Думаю, очень скоро за вами пришлют.

Как и предсказывал Цзи Мяо, через час в зал заглянул служитель и позвал Тан Шэня, объявив, что его вызывает правый советник Сюй Линхоу.

Тан Шэнь оправил одеяния и последовал за служителем в кабинет Сюй Би.

<http://bllate.org/book/18292/1754554>